

УДК 340.112:343.2

Институты уголовного права: внутреннее строение и элементный состав

М.С. ЖУК,

кандидат юридических наук,

докторант кафедры уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права
юридического факультета Кубанского государственного университета

zhuk.maksim@mail.ru

Анализируется внутреннее строение институтов уголовного права через призму образующих их структурных элементов. На базе проведенного исследования предлагается модель композиционного построения институтов уголовного права.

Ключевые слова: институт уголовного права, внутреннее строение, структура, элементный состав, идеи, нормы, правоотношения.

Institutions of Criminal Law: Internal Structure and Elementary Composition

Zhuk M.

This article is devoted to the analysis of criminal law institutions internal structure in terms of structural elements that compose it. On the basis of the investigation performed, the model for structural arrangement of criminal law institutions is offered.

Keywords: institution of criminal law, internal structure, structure, elementary composition, ideas, norms, legal relationship.

Вопрос о внутреннем строении и элементном составе институтов уголовного права при всей его теоретической и прикладной значимости недостаточно исследован наукой. Вместе с тем очевидно, что от его адекватного решения во многом зависит и содержательное наполнение уголовного права, и техника его законодательного оформления, и в конечном итоге качество правоприменительной деятельности.

Думается, что в основе решения данного вопроса должны лежать положения, выработанные общей теорией права. Однако обращение к соответствующим источникам показывает, что проблемы структурирования правовых институтов исследуются поверхностно или вообще остаются белым пятном. Традиционно утверждение, что институт права состоит из правовых норм. Особенно четко эта позиция сформулирована Д.Е. Петровым, который указывает, что «в структуре правового института неразличимы иные правовые образования, кроме юридических норм»¹. В ряде случаев исследователи стремятся дать видовую характеристику норм, составляющих правовой институт. Так, В.И. Гойман полагает, что институт права включает такой набор норм (дефинитивных, управомочивающих, запрещающих и др.), который призван обеспечивать беспробельность регулируемых им отношений².

Подобные утверждения могут служить лишь исходной точкой в познании внутреннего

строения институтов уголовного права. Они указывают, как представляется, далеко не все элементы структуры правового института и, кроме того, акцентируют внимание только на элементном составе, игнорируя то обстоятельство, что, будучи системным образованием, институт права предполагает наличие целого ряда взаимосвязей между образующими его компонентами. Последнее обстоятельство удачно подмечено С.С. Алексеевым, который пишет, что «структура правового института, как и всех других общностей, характеризуется не только определенным строением, дифференцированностью нормативного материала, но и интегрированностью, своим законом связи элементов... выражающим системную целостность, стойкую композицию элементов»³.

Приступая к анализу внутреннего строения уголовно-правового института, важно отметить, что приведенные выше общетеоретические представления несут отпечаток нормативистского правопонимания, что, как представляется, заслуживает критической оценки. Если следовать разделяемой нами позиции, согласно которой право есть единство идей, норм и реальных отношений, то структура уголовно-правового института должна быть пересмотрена.

На первое место в ней должны быть поставлены определенные идеи или принципы, исходя из которых в пределах правового институ-

¹ Петров Д.Е. Отрасль права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2001. С. 14.

² См.: Общая теория права и государства: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.В. Лазарева. — М., 2001. С. 200.

³ Алексеев С.С. Структура советского права. — М., 1975. С. 124.

та осуществляется нормативное регулирование соответствующей группы общественных отношений. О необходимости выделения принципов институтов уголовного права в науке речь шла уже давно. В частности, более тридцати лет назад М.И. Бажанов писал, что «вполне правомерно говорить не только о принципах уголовного права в целом... но и о принципах отдельных институтов уголовного права»¹. Однако к детальной разработке данного явления уголовно-правовая наука так и не приступила. Это находит отражение и в профессиональном правопонимании. Только 38% опрошенных в процессе исследования респондентов согласились с тем, что в уголовном праве, наряду с его общетраслевыми принципами, функционируют принципы отдельных уголовно-правовых институтов.

В литературе последнего времени системе принципов уголовного права в целом уделяется достойное внимание. При всех, порой существенных, отличиях они определяются обычно как наиболее общие, фундаментальные начала, исходные требования к процессу уголовно-правового регулирования — содержанию и системе уголовно-правовых норм, практике их конструирования и реализации. Разделяется большинством специалистов и мнение о том, что не все и не в полном объеме принципы уголовного права отражаются в уголовном законодательстве. Эта мысль была четко сформулирована Н.А. Беляевым, который в системе уголовно-правовых принципов, представляющих собой обусловленные социальными отношениями и отраженные в правосознании идеи уголовно-правового противодействия преступности, выделил особую группу положений, закрепленных в уголовном законодательстве, названную им «собственно принципами уголовного права»².

Данные положения приобретают важное методологическое значение в познании принципов уголовно-правовых институтов. Само понятие «принципы института уголовного права» в науке четко не сформулировано, хотя достаточно активно используется применительно к отдельным отраслевым институтам, и прежде всего к институту уголовного наказания. Вместе с тем особых проблем с определением этого понятия быть не должно. Принципы институтов уголовного законодательства — менее емкое по объему образование, нежели

принципы уголовного права, и находятся с ними в отношениях подчинения. Они оказывают более детальное и конкретное воздействие на относительно самостоятельную совокупность общественных отношений, являющуюся предметом регулирования правового института, и представляют собой основные идеи и требования, которые лежат в основе его создания и применения.

Важно подчеркнуть, что нормативное закрепление принципов отдельных правовых институтов — скорее исключение, чем правило. С.С. Алексеев в этой связи отмечает, что лишь в достаточно развитой области права, отличающейся высоким уровнем кодификации и нормативных обобщений, правовые институты «возглавляются» нормами-принципами, сформулированными прямо в тексте нормативных актов³. Так как в тексте Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) принципы отдельных институтов уголовного права чаще всего не находят самостоятельного закрепления, их вычленение, формулировка и уяснение предполагают обязательное обращение к господствующей форме правосознания и постулатам уголовно-правовой доктрины.

Такое обращение необходимо не только в процессе применения уголовно-правовых норм, но и — что в последнее время приобретает особую значимость — в процессе их создания. Современные научные исследования выявили массу случаев несоблюдения законодателем принципиальных уголовно-правовых требований при криминализации и пенализации отдельных деяний. Здесь и нормы об ответственности за организацию экстремистского сообщества, не согласованные с исходными положениями института соучастия в преступлении и института неоконченного преступления⁴, и криминализация преступлений, сопряженных с иными посягательствами, находящаяся в противоречии с положениями института множественности преступлений⁵, и противоречивая уголовно-правовая оценка состояния опьянения в ст. 23 и 264 УК РФ, и т. д. В ряду множества иных причин возникновения подобной ситуации не последнее место, на наш взгляд, занимает проблема неразработанности системы принципов отдельных институтов уголовного права. Решить ее в рамках настоящего исследования ввиду его ограниченности и направленности на изучение несколько

¹ Бажанов М.И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. — Киев, 1980. С. 10.

² См.: Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. — Л., 1986. С. 32—34.

³ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 126.

⁴ См.: Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2007. С. 17; Уголовный закон в практике мирового судьи: науч.-практ. пособ. / под ред. А.В. Галаховой. — М., 2005 (автор соответствующего раздела — Л.В. Иногамова-Хегай).

⁵ См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. — М., 2007. С. 282.

иных, более общих проблем конструирования и развития уголовно-правовых институтов, не представляется возможным. Однако признание в теории мысли о том, что институт уголовного права, помимо собственно нормативной материи, включает в себя еще и некоторые исходные принципиальные положения, не всегда отраженные в тексте нормативного правового акта, способно внести свои коррективы в содержание последующих научных работ, а через них, возможно, и в практику реализации уголовной политики государства.

Следующим центральным элементом в структуре института уголовного права является собственно нормативный материал. Понимание теоретико-правовой природы этого материала в уголовно-правовой доктрине различно. Если В.П. Коняхин последовательно доказывает, что институт уголовного права образуют нормативные предписания, то В.Д. Филимонов столь же последовательно убеждает, что нормативные предписания ничем не отличаются от правовых норм, а потому и институт уголовного права в структурном отношении состоит именно из норм¹. Данный вопрос нуждается в детальном анализе, прежде всего, с позиций соотношения нормы права и нормативного (правового) предписания.

В общей теории права и, как следствие, в теории уголовного права в понятие правовой нормы вкладывается различный смысл. Однако большая часть специалистов исходит из классического постулата о том, что норма права есть общеобязательное поведенческое правило. Соответственно, уголовно-правовая норма понимается в этом случае как установленное государством правило поведения, соблюдение которого обеспечивается авторитетом государственного требования и угрозой уголовной ответственности и наказания². Исходя из этого определяется и структура правовой нормы, которая должна включать все три элемента нормы (гипотезу, диспозицию и санкцию) или как минимум два, при этом санкция — компонент обязательный.

Очевидно, что как целостное правило поведения уголовно-правовая норма не представлена в законодательстве. Ее установление — итог определенной мыслительной операции, результат восхождения от отдельных, разрознен-

ных суждений законодателя, отраженных в Общей и Особенной частях УК РФ, к интегрированному правилу. Е.В. Благов в этой связи пишет, что «предписания Общей части уголовного законодательства дополняют содержание соответствующих положений его Особенной части, образуя целостный регулятор общественных отношений — норму уголовного права»³. Аналогично и мнение Т.В. Кленовой: «Уголовно-правовые нормы любого вида “собираются” из предписаний Общей и Особенной частей УК РФ, которые только в системе способны осуществлять непосредственное регулирование общественных отношений»⁴. Стоит подчеркнуть, что «собрание» уголовно-правовой нормы не происходит произвольно. С точки зрения внешней формы оно подчинено общетеоретическим законам конструирования нормы права, а в содержательном отношении — принципам уголовного права и принципам отдельных уголовно-правовых институтов.

Несмотря на устойчивые традиции, сведение правовых норм к правилам довольно уязвимо для критического анализа. Можно допустить, что все правила стремятся стать нормами, но очевидно, что не все нормы сводятся лишь к правилам. В соответствии с точкой зрения многих современных научных школ, норма отличается от правила. Как пишут в последних исследованиях по теории права, норма выражает то, что существует или должно существовать во всех без исключения случаях, в противоположность правилу, которое может быть выполнено, а может быть и не выполнено⁵.

При таком подходе понятие правовой нормы связывается уже не с моделируемым правилом («то, что должно быть»), а с некой данностью («то, что есть»). Причем в силу того, что речь идет именно о правовой норме, эта данность должна быть непосредственно отражена в нормативном правовом акте. И тогда норма права определяется уже не через категорию «правило», а через категорию «законодательное веление» или «нормативное предписание». С.В. Жилиев прямо пишет, что как первичный элемент уголовного права уголовно-правовая норма представляет собой общеобязательное властное веление, посредством которого устанавливаются основание и принципы

¹ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. — СПб., 2002. С. 164; Филимонов В.Д. Правовой институт — основное звено в системе уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая — 1 июня 2007 г. — М., 2007. С. 438.

² См.: Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. — Красноярск, 1989. С. 36.

³ Благов Е.В. Норма уголовного права: структурный аспект // Категориальный аппарат уголовного права и процесса. — Ярославль, 1993. С. 94.

⁴ Кленова Т.В. Соотношение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве... С. 185.

⁵ См.: Шальмин М.С. Нормы права в системе соционормативного регулирования: проблемы соотношения и взаимодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. С. 13—14.

уголовной ответственности, определяется, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, и устанавливаются виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений¹.

Несовпадение нормы и правила признается и последователями традиционного понимания уголовно-правовой нормы. Б.Т. Разгильдиев, например, относит к нормам только те конструкции, которые содержат не менее двух элементов, одним из которых в обязательном порядке является санкция, в то время как все остальные структурные построения, по его мнению, это уголовно-правовые положения (например, принципы уголовного права, его задачи)². Так же рассуждает и Т.В. Кленова, когда указывает, что «институты уголовного права не исчерпываются совокупностью самостоятельных уголовно-правовых норм, понимаемых как правила должного поведения людей. Эти институты дополняются правовыми предписаниями, более элементарными структурными образованиями уголовного права»³.

Как видим, авторы стремятся достаточно жестко противопоставить норму права нормативному предписанию (положению). Вопрос об их соотношении спорен и не имеет однозначного решения. Можно выделить как минимум три подхода. А.В. Мицкевич, В.М. Сырых, М.Л. Давыдова под нормативным предписанием понимают «частицу», «исходную единицу текста» нормативного правового акта, в то время как норма права связывается ими не с системой нормативных актов, а с правом в целом⁴. С.С. Алексеев и В.Д. Филимонов, напротив, между нормативным предписанием и нормой права ставят знак равенства, поскольку предписание предполагает установление для субъектов правоотношения определенного (предписанного, а не иного) правила поведения. Нормативное предписание в их трактовке — первичная частица самой правовой материи, с которой совпадает исходная

единица правового текста⁵. Особую позицию занимает В.П. Коняхин, активно использующий категорию «нормативное предписание» и строящий на ней собственную концепцию системы Общей части уголовного права. Под нормативным предписанием он понимает закреплённый в тексте уголовного закона элемент или субэлемент уголовно-правовой нормы, то есть ее часть⁶.

Определяя свое отношение к рассматриваемой проблеме, заметим, что между позициями В.Д. Филимонова и В.П. Коняхина при кажущемся несовпадении нет принципиальных противоречий. Некоторое «напряжение» обусловлено, на наш взгляд, особенностями авторского употребления терминологии. Если приравнивать нормативное предписание к норме права, то для характеристики целостного правила поведения в качестве рядоположенной категории необходимо использовать логическую (или реальную) норму права. Если же под нормой права понимать только и исключительно реальную норму, то, следовательно, для описания ее содержания необходимо привлекать категорию нормативного предписания. Об этом писал и С.С. Алексеев: «Термины “нормативное предписание” и “норма права” являются синонимами. Когда же к термину “норма права” добавляется слово “логическая”, то речь идет о композиции, закономерных связях между предписаниями или их элементами»⁷.

Таким образом, с известными оговорками между нормативным предписанием и нормой права может быть поставлен знак равенства. Отметим, что и в сознании большей части опрошенных специалистов предписание и норма практически неразличимы: 87% опрошенных в процессе исследования специалистов признали допустимым выражение «норма уголовного права, предусмотренная статьей УК РФ».

Однако во избежание неоправданного смешения понятий и принимая во внимание требования стилистики изложения научного текста, удобнее использовать пару «норма права — нормативное предписание»⁸. В силу этого в даль-

¹ См.: Жилыев С.В. Кумулятивные санкции в уголовном праве России и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Йошкар-Ола, 2000. С. 12.

² См.: Разгильдиев Б.Т. Система уголовного права России: понятие, назначение // Системность в уголовном праве... С. 336.

³ Кленова Т.В. Указ. соч. С. 186.

⁴ См.: Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства // Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. — М., 1967. С. 34; Сырых В.М. Теория государства и права: учеб. для вузов. — М., 1998. С. 98—111; Давыдова М.Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве: учеб. пособ. — Волгоград, 2001. С. 3—8.

⁵ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 82—83; Филимонов В.Д. Указ. соч.

⁶ См.: Коняхин В.П. Указ. соч. С. 185.

⁷ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 83.

⁸ В силу изложенного вряд ли можно признать удачным встречающееся в литературе последнего времени предложение различать уголовно-правовую норму в узком и широком смыслах, понимая под первым «элементарное, логически завершенное государственно-властное положение, находящее непосредственное выражение в тексте Уголовного кодекса», а под вторым — «установленное государством, формально определенное правило наиболее целесообразного регулирования уголовно-правовых отношений, воплощающее органические связи между нормами уголовного права в узком смысле» (см.: Тулигович М.А. Структура уголовно-правовой нормы: дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2006. С. 7—8).

нейшем изложении для обозначения реальной (логической) нормы будет использоваться понятие «норма права», а словосочетание «нормативное предписание» будет служить для обозначения части этой нормы, отраженной в той или иной структурной единице текста уголовного законодательства.

Сделанные в силу необходимости теоретические отступления не снимают вопроса о том, состоят ли уголовно-правовые институты из норм или нормативных предписаний, поскольку от его решения напрямую зависит содержание самих институтов и их система в уголовном праве целом.

Полагаем, что поскольку норма права и правовое предписание отражают различный уровень структуры уголовно-правовой отрасли, в познавательных целях допустимо использовать обе эти единицы для конструирования правовых институтов. Выбор же будет определен теми задачами, которые ставит перед собой исследователь. В любом случае необходимо специально оговаривать, о каком институте идет речь — об институте нормативных предписаний уголовного права или же институте норм уголовного права.

В ходе настоящего исследования, если не оговорено иное, уголовно-правовой институт понимается как институт нормативных предписаний. Такой подход к определению предмета исследования обусловлен тем, что именно анализ первичного элемента уголовно-правовой материи является более детализированным, позволяющим правильно установить связи и между отдельными предписаниями в рамках уголовно-правовой нормы, и между предписаниями отдельных норм и самими нормами, образующими институт уголовного права.

Важно понимать, что от выбора исходной единицы структурирования уголовно-правового института напрямую зависит и его результат. Так, система институтов правовых предписаний будет в большей степени совпадать с системой построения УК РФ, а сам уголовно-правовой институт в таком случае будут образовывать предписания, расположенные, как правило, в пределах одной главы или раздела уголовного закона.

Система институтов собственно уголовно-правовых норм будет принципиально иной, более того, на ее строение и структурное наполнение самих институтов будет непосредственно

влиять позиция исследователя по вопросу о том, допустимо ли делить нормы уголовного права на нормы Общей и Особенной частей. Например, Ю.Е. Пудовочкин, не признающий такого деления, представляет систему институтов уголовного права исключительно как систему охранительных институтов, каждый из которых образуют практически все предписания Общей части уголовного законодательства, а также предписания Особенной части ответственности за тот или иной вид преступлений, имеющий общий родовый объект¹. Несколько иной подход у Т.В. Кленовой и Т.А. Лесниевски-Костаревой, по мнению которых система институтов уголовного права не исчерпывается исключительно охранительными уголовно-правовыми институтами, а в каждый отдельный уголовно-правовой институт входят далеко не все предписания Общей части. Институт в их трактовке образуется органическим единством отдельных норм и отдельных предписаний Общей и Особенной частей уголовного права². Наконец, еще одно решение предлагают В.Д. Филимонов, Э.С. Тенчов и другие авторы, допускающие существование полноценных уголовно-правовых норм Общей части и, соответственно, выделяющие самостоятельные институты правовых норм Общей части и институты правовых норм Особенной части уголовного права³.

Не углубляясь в анализ каждой из приведенных позиций относительно вида и формы нормативного материала в структуре уголовно-правового института, отметим лишь, что и нормативные предписания, и правовые нормы, безусловно, составляют содержательное ядро правового института. В силу этого, а также учитывая функциональное назначение института — целостно и беспроблемно регулировать определенный участок (вид) уголовно-правовых отношений, — предписания, образующие институт, должны обладать двумя важными характеристиками.

Прежде всего, эти предписания должны быть равноправными. Как отмечал еще С.С. Алексеев, «в отличие от ассоциации норм (где, по существу, имеется одна генеральная норма с сопровождающими ее конкретизирующими предписаниями) в институт входят несколько однопорядковых положений»⁴. Ассоциация нормативных предписаний в уголовном праве может быть проиллюстрирована практически любой статьей Особенной части УК РФ, преду-

¹ См.: Энциклопедия уголовного права: в 35 т. 2-е изд. / под ред. В.Б. Малинина. — СПб., 2008. Т. 1. Понятие уголовного права. С. 218—219.

² См.: Кленова Т.В. Указ. соч.; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. — М., 1998. С. 169.

³ См.: Филимонов В.Д. Норма уголовного права. — СПб., 2004. С. 22; Тенчов Э.С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. 1986. № 8. С. 61.

⁴ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 124.

смаатривающей ответственность за преступления с основным и квалифицированными составами. Здесь первая часть статьи, описывающая признаки основного состава, будет представлять собой основное (главное) нормативное предписание, а те ее части, которые описывают квалифицирующие признаки, — вариативные положения, конкретизирующие это предписание. В итоге возникает ассоциация нормативных предписаний. Назвать ее правовым институтом нельзя именно потому, что в рассматриваемой группировке только одно предписание главное. В силу этого, например, нельзя говорить об институте ответственности за кражу, институте ответственности за торговлю людьми и т. д.

Только группа однопорядковых основных предписаний, как правило, сопровождающихся конкретизирующими предписаниями, может составить институт уголовного права. Однако нормативные предписания и их ассоциации, составляющие институт, должны не только быть однопорядковыми, но и обеспечивать относительно самостоятельное и полноценное регулирование определенных общественных отношений. Необходим особый комплект предписаний, который в идеале охватывает все возможные ситуации в уголовно-правовом регулировании этих отношений (чем достигается беспробельность права и закона) и содержит общие и специальные положения, позволяющие полноценно их применять (чем достигается целостность регулирования).

Единого подхода к структурной характеристике этих положений в науке нет. Некоторые специалисты описывают структуру правового института путем определения видовой принадлежности образующих его норм или предписаний. Так, В.И. Гойман говорит о том, что правовой институт должны составлять дефинитивные, управомочивающие, запрещающие и др. нормы, оставляя их перечень открытым¹. Т.А. Лесниевски-Костарева, анализируя уголовно-правовой институт квалифицирующих признаков, указывает, что его структуру составляют общие закрепительные предписания, декларативные и дефинитивные положения². Очевидно, что такой подход — лишь общая посылка, задающая направление поиска оптимальной структуры уголовно-правового института, а потому нуждается в уточнении. Необходим надежный общий критерий построения структуры института права.

В поиске такого критерия С.С. Алексеев обращается к виду правового института и заме-

чает, что по своему строению общие, регулятивные и охранительные институты не могут быть тождественны. Например, регулятивные институты во многих случаях объединяют обязывающие и управомочивающие нормы, включают запреты, общие предписания и др., в то время как ряд охранительных и общих институтов складывается из норм одной разновидности (такowymi автор считает институты Особенной части уголовного права)³. Представляется все же, что различие регулятивного и охранительного институтов состоит не в структурной композиции, а в видовой характеристике образующих их генеральных нормативных предписаний. Для того чтобы та или иная группа охранительных или регулятивных предписаний надлежащим образом выполняла свои функции, необходимо, чтобы каждое из этих предписаний или группа предписаний в целом сопровождалась определенным набором дополнительных нормативных положений, закрепление которых должно быть подчинено некоему общему правилу.

Такое правило для определения оптимальной структуры уголовно-правового института предложено В.Д. Филимоновым. Он пишет: «Правовой институт для того, чтобы осуществлять предупредительную и восстановительную функции, должен быть построен по тому же принципу, что и правовая норма, устанавливающая ответственность за совершение конкретного преступления. Одна его часть (своего рода диспозиция) должна определять особенности общественной опасности конкретного вида преступного деяния, другая (своего рода санкция) — особенности наказания, следующего за его совершение»⁴. Такой подход в целом не вызывает возражений. Однако он, на наш взгляд, применим к уголовно-правовому институту только в том случае, если под институтом понимать совокупность уголовно-правовых норм в собственном значении этого понятия (как правил поведения). К институту же нормативных предписаний уголовного права его применить весьма сложно, поскольку сами эти предписания могут выражать лишь отдельные структурные элементы реальной уголовно-правовой нормы.

Таким образом, вопрос о структуре института уголовного права с позиций вида образующих его нормативных предписаний остается открытым. При его решении, как представляется, следует исходить из разработанной в общей теории права классификации самих нормативно-правовых предписаний. Основы-

¹ См.: Общая теория права и государства. С. 200.

² См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 169—177.

³ См.: Алексеев С.С. Указ. соч.

⁴ Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. — СПб., 2003. С. 128—129.

ваясь на них, выскажем мысль, что уголовно-правовой институт в идеале должен быть образован полным набором различных по виду нормативных предписаний. Под идеалом в данном случае мы понимаем максимально возможный комплект нормативных предписаний, который, однако, не всегда требуется в полном объеме. Итак, уголовно-правовой институт образуют:

1) ядро института — несколько генеральных нормативных предписаний регулятивного или охранительного характера, представляющих собой каждое в отдельности ассоциацию одного основного и одного или нескольких конкретизирующих (детализирующих¹ или вариативных²) предписаний;

2) необходимое дополнение — специализированные предписания общего характера: общие³, декларативные⁴, дефинитивные⁵;

3) возможное дополнение — специализированные предписания специального типа — оперативные⁶, коллизионные⁷.

Все эти предписания находятся в тесной взаимосвязи, определяя и содержание друг

друга, и порядок применения. Наглядно структуру нормативного материала в институте уголовного права можно представить следующим образом (рис.).

Стоит обратить внимание на то, что общие, декларативные и нормативные предписания, с одной стороны, и оперативные и коллизионные — с другой, могут быть общими для различных уголовно-правовых институтов, входить в несколько (а порой и во все) из них. В то же время сами по себе эти нормативные предписания вполне могут быть объединены в так называемые общие институты, призванные осуществлять «сквозное» регулирование, распространяющие свое действие на все отношения, составляющие предмет отрасли уголовного права.

Возвращаясь к анализу элементного состава институтов уголовного права, напомним, что согласно определенному нами типу правового понимания в их структуру, наряду с правовыми идеями и нормативными предписаниями, входят также регулируемые этим институтом общественные отношения.

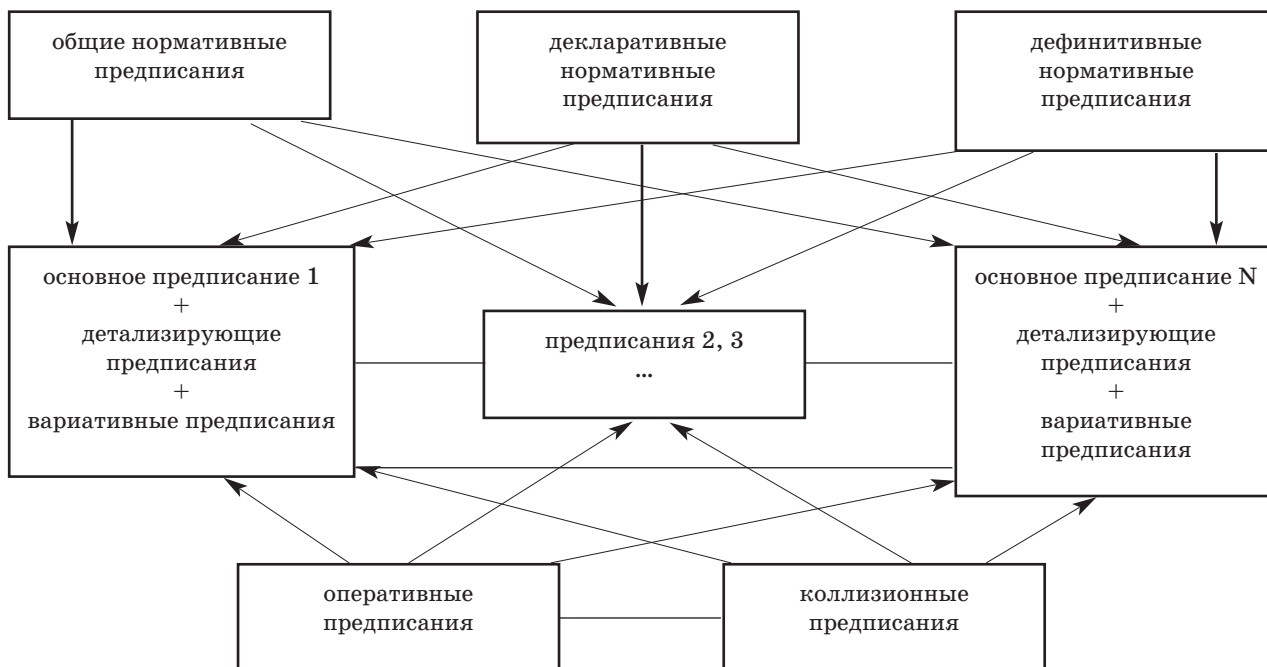

Рис. Структура нормативного материала в институте уголовного права

¹ Детализирующие предписания дают конкретизированное решение определенной детали регулирования, которая относится к той или иной структурной части уголовно-правовой нормы.

² Вариативные предписания рассчитаны на применение основного предписания в определенной ситуации или в особых условиях.

³ Общие предписания фиксируют в обобщенном виде определенные элементы регулируемых отношений.

⁴ Декларативные предписания содержат указание на правовые принципы соответствующей совокупности норм.

⁵ Дефинитивные предписания содержат указание на признаки той или иной правовой категории.

⁶ Оперативные предписания определяют порядок вступления в силу или отмены действия правовых норм.

⁷ Коллизионные нормы представляют собой положения, направленные на разрешение возможных конкурентных ситуаций в правоприменении.

Прежде всего, эти отношения должны укладываться в границы предмета отрасли уголовного права, что принципиально важно для обеспечения отраслевой чистоты института и предотвращения нежелательного проникновения в структуру отрасли нормативного материала, составляющего инструмент регулирования не уголовно-правовых, а иных отношений.

Вопрос о предмете отрасли уголовного права может составить направление большого самостоятельного исследования¹. Наша позиция сводится к признанию уголовно-правовыми только тех отношений, которые возникают между лицом, совершившим преступление, и государством в лице его правоохранительных органов и суда. Возникают эти отношения с момента совершения преступления и заканчиваются моментом погашения или снятия судимости. Юридическим фактом, их порождающим, выступает преступление — общественно опасное деяние, содержащее все признаки состава, предусмотренного УК РФ.

Практически это классическая позиция. Однако, во-первых, в уголовном законе она отражена не вполне последовательно, а во-вторых, сама по себе нуждается в определенном уточнении, которое способно повлиять на развитие системы уголовно-правовых институтов.

Не углубляясь в детальный анализ системы институтов уголовного права, укажем в качестве примера следующие ситуации несоблюдения анализируемого критерия для формирования институтов: включение в область уголовно-правового регулирования отношений, которые возникают в связи с совершением деяния, не являющегося преступлением в силу невменяемости субъекта; отсутствие в предметной области уголовного права отношений, возникающих в связи с совершением преступлений юридическими лицами; исключение из числа субъектов уголовно-правовых отношений потерпевшего от преступления и связанное с этим ограничение круга регулируемых уголовным правом отношений; включение в уголовное право норм, регламентирующих уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные отношения.

Четкое определение круга уголовно-правовых отношений, их субъектов и содержания является непрямым, но не единственным условием конкретизации содержания уголовно-правовых институтов. Поскольку институт

регулирует определенную разновидность отраслевых отношений, важное значение приобретает проблема юридических фактов, с которыми закон связывает их возникновение, изменение или прекращение.

Юридический факт, как известно, представляет собой событие или поступок, с которым норма права связывает возникновение и последующую динамику правоотношения. Если уголовно-правовая норма содержит властную программу или общую модель поведения субъектов, а уголовно-правовое отношение отражает конкретную модель поведения, программу действий в определенной социально-юридической ситуации, то юридический факт находится как бы между ними. «Именно с помощью юридических фактов осуществляется переход от общей модели прав и обязанностей к конкретной»². Он связывает догматические нормативные предписания с социальной действительностью, вызывая к жизни особое социальное явление — реальное правоотношение, или, по выражению Н.С. Таганцева, «реальное бытие нормы права», ее «жизненное проявление»³.

Теория юридических фактов в уголовном праве все еще остается недостаточно разработанной, несмотря на то что, по обоснованному утверждению теоретиков, данный вид права отличается развитым регулированием «по объекту» и наличием детализированной системы юридических фактов⁴. Не имея целью представить развернутый анализ этой проблемы, отметим лишь некоторые позиции, имеющие непосредственное отношение к теме настоящего исследования.

Юридический факт, конечно, всегда конкретное явление или событие, с которым норма уголовного права связывает конкретное правоотношение. Однако в самой норме юридический факт представлен не с полной своей характеристикой, а лишь в виде конструкции, включающей типичные, сущностные признаки. Когда речь идет о преступлениях как о разновидности юридических фактов, то в норме они представлены в виде составов преступлений как совокупности их видовых признаков, общих для близких по содержанию юридических фактов. В то же время уровень состава преступления — не единственный уровень обобщения признаков юридических фактов, в том числе и нормативного обобщения. Составы в ряде случаев также содержат некие общие

¹ В науке предлагается даже дополнить УК РФ самостоятельной статьей, указывающей на сферу уголовно-правового регулирования. См. об этом: Петрова Г.О. Уголовно-правовое регулирование и его средства: норма и правоотношение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Н. Новгород, 2003. С. 24—25.

² Мирошникова Ж.Ю. Функции юридических фактов по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2005. С. 8—9.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. — М., 1994. Т. 1. С. 178, 181.

⁴ См.: Исаков В.В. Правовое регулирование и юридические факты // Правоведение. 1980. № 5. С. 35.

черты. Это дает основание в теоретическом плане ставить вопрос о родовом понятии состава или родовом понятии отдельных юридических фактов. Этот родовой состав отражает признаки определенной группы деяний, которые порождают близкие по своей характеристике уголовно-правовые отношения, урегулированные целостным комплексом уголовно-правовых норм. Иными словами, родовой состав характеризует в обобщенном виде тот юридический факт, который служит источником появления группы отношений, урегулированных уголовно-правовым институтом. В этой связи представляется, что детальная разработка системы родовых составов преступлений будет способствовать оптимизации системы институтов уголовно-правовых предписаний об ответственности за отдельные виды преступлений.

В то же время преступление — не единственный юридический факт в уголовном праве. Наряду с ним существуют и иные поведенческие акты и события (например, положительное постпреступное поведение лица, совершившего преступление, достижение определенного возраста и др.). Важно подчеркнуть, что сами по себе, вне связи с совершенным преступлением они неспособны порождать уголовно-правовые отношения. Эти факты влияют на динамику и содержание уже возникшего правоотношения. Однако, учитывая специфическое влияние данных фактов на развитие уголовно-правового отношения, они могут быть «вынесены за скобки» фактического состава (преступление плюс иной юридический факт). Кроме того, как и признаки преступления, признаки этих юридических фактов могут быть обобщены и укрупнены, и таким образом возникает представление о специфических юридических фактах, которые оказывают самостоятельное влияние на правоотношения. Принимая во внимание «сквозной» характер такого влияния на все правоотношения, зако-

нодатель, как правило, помещает описание данных юридических фактов в Общей части уголовного закона и формирует на их основе соответствующие институты нормативных предписаний. В силу сказанного основная задача при систематизации институтов Общей части уголовного права должна состоять в выявлении фактов, способных повлиять на динамику и содержание уголовно-правовых отношений, а также в криминологическом и социально-политическом обосновании возможности учета этого влияния и его направлений.

Подводя итог анализа внутреннего строения уголовно-правового института, отметим, что современное соционормативное понимание права требует пересмотра устоявшихся представлений об институте только как совокупности правовых норм. Право есть единство трех его компонентов: аксиологического, институционального и функционального, — которому соответствуют идеи (принципы), нормы и фактические правоотношения. Такое понимание права позволяет утверждать, что элементный состав уголовно-правового института *включает в себя: определенные идеи, в которых концентрируется и формулируется содержательная сторона правового института, его сущность; несколько однопорядковых нормативных предписаний различных видов, которые составляют содержательное ядро института, отражают его нормативный характер и гарантируют принудительный механизм реализации; основанные на этих идеях и нормах общественные отношения, представляющие собой реализацию нормативных предписаний, претворение их в общественной жизни, что придает праву действительность и жизнеспособность.*

Представляется, что предложенная выше модель внутреннего строения институтов уголовного права при ее дальнейшей научной апробации послужит ориентиром для оптимизации исследований в этом направлении по всему спектру обсуждаемых проблем.